

5.2 Внелитературная лексика в языке современной печати

Особое внимание к внелитературной лексике, находящейся на периферии языковой системы, важно потому, что в современной языковой ситуации просторечная (в том числе грубая) и жаргонная лексика вышла из ограниченной сферы употребления и активно вливается в язык современной массовой печати, звучит на телевидении и по радио.

Примерно с конца 80-х годов в русской речевой коммуникации резко увеличилась доля речи публичной. Кроме того, в силу известных политических, культурно-идеологических причин, порожденных распадом тоталитарной государственной системы, в книжную письменную речь – не спонтанную, совершающуюся в официальных рамках, – врываются речевые явления, прежде принадлежавшие исключительно устной форме функционирования языка. Это:

- городское просторечие
- уголовно-лагерный жаргон
- и даже инвективная речь (от позднелат. *invectiva oratio* – бранная речь)

Эти процессы **детабуизации инвективной** (обсценной) **лексики**, наблюдаемые в последнее время в печати, в электронных СМИ, в конечном счете обусловлены снятием запрета на обсуждение интимной жизни популярных людей, на публикации эротического содержания. В связи с этим возрастает актуальность проблемы для всего общества в целом и, в частности, для «ревнителей» чистоты русской речи.

Большая часть таких слов несет в себе **осуждающую экспрессию** и потому адресатом может быть воспринята как оскорбление. А это влечет за собой осложнение языковых проблем проблемами правовыми. Слова типа *бандит, жулик, двурушник*, будучи персонифицированы, выводят ситуацию на юридический уровень. Бранными могут стать и вполне литературные слова (*кобель, кобыла, свинья, сука* и др.), если они являются **зоосемантическими метафорами**.

Таким образом, термин «**ненормативная**» **лексика** часто оказывается некорректным, так как ненормативной оказывается не столько слово как таковое, сколько ситуация, в которой оно произносится.

Другое дело – **запретная (обсценная) лексика**, проще говоря, **мат**. Снижение порога допустимости в письменных и устных текстах не снимает с этих словоупотреблений характера непристойности и крайней грубости. В данном случае можно уже говорить о нарушении норм общественной морали.

Надо сказать, что в последнее время наблюдается общая **тенденция к огрублению речи**, отчасти это следствие ее раскрепощенности и реакция на негативные явления жизни.

Огрубление письменной и устной речи за счет **жаргонной и арготической лексики**, грубой и циничной по существу, обнаруживается сегодня не только среди средств массовой информации. Этим грешат и чиновники, облеченные высокой властью. Поэтому известную детабуизацию обсценной и вообще грубой лексики следует рассматривать в контексте общей тенденции времени к стилистическому снижению речи в целом и заметной утрате практическим языком возвышенно-эстетических качеств.

Обценная лексика функционально очень богата. Это не только средство оскорбления, но и сигнал окружающим, что говорящий «свой человек». Не будучи конкретно адресной, она выполняет функции сильного экспрессивного средства, может служить средством разрядки психологического напряжения, может заполнять речевые паузы в качестве междометных слов, но в любом случае обусловлена низкой культурой говорящего, хотя может быть и своеобразной бравадой достаточно образованного индивида. Хуже всего по своим последствиям то, что такая речь распространена в детском школьном коллективе. Такую речевую практику не вытравить никаким уровнем образования.

Внелитературная сфера русского языка, где сосредоточена грубая, натуралистическая и циничная лексика, в последнее время заметно отодвигает или даже размывает границы образцовой литературной речи, а это бросает тень на весь русский язык, богатство и гибкость которого неоднократно были подчеркнуты выдающимися стилистами, тонкими ценителями языка. К сожалению, часто русский язык воспринимается через призму русского мата.

Особенностью функционирования литературного языка современности является его **активное взаимодействие с просторечием и различными жаргонами**. Интенсивность этого взаимодействия определяется выдвиганием новых центров экспансии:

- низовой городской культуры
- молодежной контркультуры
- уголовной субкультуры

Подобная лексика, проникая на страницы печати, заметно опрошает письменную речь, стилистически снижает ее, снимает многие лексические запреты. Слова типа *наехать* (пристать к кому-н.), *прикол* (шутка, смешной или курьезный случай), *кинуть* (отправить смс-сообщение), *расколоться* (признаться в совершенном деянии), *отстегнуть* (заплатить) – это не просто слова, они отражают сущность реально существующих в обществе социальных, экономических и властных отношений. Именно поэтому они стали употребительными (например: *Демократы вот-вот расколотся, не определив свой выбор.* - АиФ, 1999, № 40); *Враг в доме, пахан в суде, растлитель в школе. Нашим парням бреют лбы и отправляют в Сербию воевать за Америку.* - День, 1992, № 43); О словах *беспредел*, *тусовка*, вышедших из жаргонов, и других уже было рассказано в разделе о модных словах эпохи.

Причины перехода арготической (жаргонной) лексики в общенародный язык чаще всего внешние (экстралингвистические), хотя могут быть и собственно языковыми (интралингвистическими).

К **причинам социального плана** относят следующие:

1. Психолого-педагогические причины связаны с восприятием арготизмов молодыми людьми. Это своего рода мода на блатные слова, языковой нигилизм; желание отгородиться от мира взрослых. Кроме того, школа мало внимания уделяет эстетической значимости языка, не формирует неприятия слов-сорняков.

2. Социально-политические причины просматриваются в периоды войн, мятежей, революций. В такие периоды обычно усиливается уголовный элемент, влияние его морали, увеличивается количество преступлений.

В течение XX в. русский язык трижды испытал нашествие арготизмов:

- в 10-20-е годы (1-я мировая, гражданская война, две революции, результат – беспризорность);
- в 40-50-х годах (Отечественная война, потом – крупная амнистия);
- в конце 80-х и 90-х годах (перестройка, развал СССР, амнистия).

Росту преступности и беспризорности способствует и урбанизация. Вокзалы, рынки, пивные – это криминогенные городские места. Отсюда арготизмы распространяются среди законопослушного населения.

Профессиональная преступность всегда присуща городам, особенно крупным мегаполисам. Причины криминогенные и юридические усматриваются в результате централизации исправительно-трудовых учреждений, где объединяются профессиональные преступники, обмениваясь своими групповыми арготизмами. Но в истории России известен огромный период, когда в тюрьмах и лагерях отбывали наказание не только профессионалы-правонарушители, но и законопослушные, невинные люди (20-50-е годы, ГУЛАГ). Они тоже приобщались к этому языку; это интеллигенты – инженеры, партработники, военные, артисты, писатели, врачи, поэты. Находясь в заключении, писатели, журналисты накапливали соответствующий лексический материал, который позже включали в свои произведения. Кстати, «вынос» слова *беспредел* в общенародный обиход связывают с именем А.И. Солженицына. Так что репрессии способствовали вливанию арготизмов в речевой оборот всего населения.

3. В последние годы действуют еще и **причины культурно-просветительного характера**. Нелитературную лексику в буквальном смысле слова популяризируют журналисты, теле- и радиокомментаторы, актеры, политики. Получается необычная картина: арготизмы не поднимаются с низов, а спускаются сверху, находя, так сказать, живой отклик в народе.

Совокупности лексических единиц, ранее отличавшихся крайне узкой сферой распространения, обычно характеризовались как **жаргон, арго, сленг**.

Дифференциация лексики, относящейся к жаргону, арго и сленгу, имеет размытые границы, часто пересекающиеся. Видимо, поэтому не дифференцированы и сами термины, часто значение одного термина определяется через другой.

Жаргон (фр. jargon) – социальная разновидность речи, отличающаяся от общенародного языка специфической лексикой и фразеологией (ср.: арго). Иногда термин «жаргон» применяется для обозначения искаженной, неправильной речи.

Арго (фр. argot) – диалект определенной социальной группы (первоначально – воровской язык), создаваемый с целью языкового обособления. Характеризуется специальной (узкопрофессиональной) или своеобразно освоенной общепотребительной лексикой.

Сленг (англ. slang): 1) то же, что жаргон, преимущественно в англоязычных странах; 2) вариант разговорной речи (в том числе экспрессивно окрашенные элементы этой речи), не совпадающие с нормой литературного языка.

В само понятие «**арго**» включаются языковые объединения по социально-культурному тематическому принципу:

- уголовно-маргинальное (*мент, малина* – воровской притон, беззаботная жизнь, *ксива* – паспорт, документ);
- армейское (*дед, дедовщина* – систематическое издевательство солдат раннего призыва над солдатами позднего призыва, *дембель* – солдат, к-ый в скором времени должен уволиться в запас);
- профессионально-корпоративное (*нетленка* – у художников – что-н. не устаревающее, вечное; *шеттало* – у переводчиков – небольшое переносный передатчик с микрофоном, который позволяет переводчику сидеть в отдалении от основных участников конференции и наговаривать перевод в этот микрофон в синхронном режиме);
- молодежное (*гурла, паренты, дринкать*)
- детское/школьное (*жува, училка*).

Причем могут быть **арготизмы**, обслуживающие разные **профессиональные сферы**, целый ряд арго. Например, *чайник* (невыгодный посетитель – у официантов; начинающий, плохой водитель – у шоферов; физкультурник-любитель – у спортсменов; графоман – у издателей). Подобные словоупотребления выражают общую смысловую идею – «не свой, не соответствующий необходимым требованиям».

Современные исследователи явно усилили свое внимание к нелитературным, маргинальным языковым структурам. И это понятно, поскольку аргологический материал связан с общими активными процессами в языке.

Сформировалась для этого особая социальная психология и культура. Прежде всего это активизация просторечия, расширение сфер его распространения (в художественной литературе, в кино, в теле- и радиопрограммах). Создается особый стиль общения в городской среде (преимущественно в молодежной, но не только). Арго становится частью повседневного городского быта, уклада жизни, который меняется с изменением социально-бытовых условий.

Итак, то, что было обособлено, условно и тайно, становится общеупотребительным, понятным и явным. Интересная деталь: в советское время словарь уголовного жаргона издавался как специальное издание, предназначенное милицейским работникам (должностная необходимость). Теперь подобные словари издаются массовыми тиражами. Пожалуй, есть в этом резон: иные публикации без словаря трудно понять. Хотя многие из слов условных, со «специальными» значениями для нашего современника не требуют «перевода» на общедоступный язык: *трава, травка* – наркотик; *гонец* – торговец наркотиками; *колики* – наркотики, вводимые при помощи шприца; *быть в откате* – в состоянии сильного опьянения; *залететь* – заразиться венерической болезнью; *академия, дача, курорт* – о тюрьме, лагере; *жмурик* – покойник; *тундра, тайга* – о глупом человеке; *сесть на иглу* – получить наркотическую зависимость и т.п.

Все эти слова и выражения созданы для вуалирования сущности (намеренно затенять сущность чег-н.) обозначаемых понятий и явлений, иногда с элементами словесной игры, по сути это **эвфемизмы**. Они стали известными любому современнику благодаря широкой распространенности в печати. А новейшие обозначения психической ненормальности (*шизик, он с приветом, у него крыша поехала*) современниками расцениваются как прямые наименования.

Надо признать, что лексически арго (жаргон) чрезвычайно «богат». В этой подсистеме языка «значительно меньше значений и значительно больше слов» (В.С. Елистратов).

Можно встретить десятки, сотни и даже тысячи наименований одного и того же.

Понятийно – этот язык весьма ограничен, но словесно – безграничен.

Например, для наименования денег в «Толковом словаре уголовных жаргонов» (1991) приведено около 30 слов: *алтушки, драхмы, башни, бабки, барыши, белки, боны, гульдены, гроши, дубы, жабы, звоны, колы, лавы, лавешки, пиастры, рыжики, саман, сармаг, тити-мити, фанера, филки, фишки, хрусты, чабар, чистоган, шайбы, шайбочки.*

Ярко представлен и словесный образ: *кофемолить* (болтать), *бритый кактус* (лысый), *застегнуться* (зашить ампулу против алкоголизма); и перенос значений: аналогия цвета (*шоколадка* – негр), аналогия звука (*шуришать* – говорить), аналогия формы (*пузырь* – бутылка) и т.п.

Однако основ языка, его грамматики арготические элементы не затрагивают: тот же фонемный состав, те же синтаксические конструкции, в которые вписываются данные лексемы.